

© 2012 г.

В.Л. МАЛЬКОВ

ФЕНОМЕН ФРАНКЛИНА РУЗВЕЛЬТА

Читая новости из США, можно подумать, что Франклин Рузвельт и его “новый курс” переживают реинкарнацию. В очередной раз сказалась закономерность, называемая иронией истории. Наследие эпохи “штормовых” предвоенных 30-х годов XX в. с ее героями и антигероями, экономическим коллапсом на Западе и советскими пятилетками вошло в историческую память многих поколений американцев как эпоха Великой депрессии и сегодня внезапно стало повсюду частью повседневности, предметом вседневных тревог и раздумий.

Начавшийся в 2008 г. мировой кризис стал общим бедствием для развитых и развивающихся стран, но сильнее всего он ударил по Соединенным Штатам. Искусственно раздутый материальный рай обернулся для американцев стихийно возникшей проблемой финансовых пирамид, “токсичных” активов, неоплаченных гигантских долгов, покинутыми домами, безуспешными поисками работы, распродажей по бросовым ценам семейных бизнесов, потерей накоплений в банках и страховых компаниях и т.д. А сегодня к этому добавился фантастически выросший внешний долг. То, что еще в 90-х годах XX в. сохранялось только в беспокойной памяти ушедших поколений, в классической литературе “красного десятилетия” 30-х годов, в фольклоре вернулось в жизнь.

Безумная алчность и эгоизм “банкокиллеров” привели к надуванию мыльных пузырей иллюзорного процветания, в ловушку которого, не желая того, попались миллионы американцев, обманутых рекламой деривативов и прочих “высокодоходных” финансовых бумаг. У молодого поколения возникло реальное представление об анархии производства, его работе в разнобой, без руля и без ветрил. В очередной раз Америка, казалось, свыкшаяся с идеей консенсуса и поверившая было в “конец идеологий”, оказалась расколотой злобой, разделенной на популистов левых и правых, на бедняков, людей с доходами ниже среднего достатка и “очень-очень” богатых.

Самым болезненным и абсурдным для пропагандистов “американизма”, финансовых топ-менеджеров, экономических гуру, восславляющих “общество потребления”, самовлюбленных политиков и, разумеется, среднего класса Америки оказалось признание неуправляемости самой большой экономикой в мире. Капитаны могучего экономического “Титаника” сами должны были признать, что не могут называться умелыми навигаторами. Эти последние, писала газета “Нью-Йорк таймс”, в апреле 2010 г., только пытались “вникнуть в неоконченную историю, как американская экономика на полном ходу столкнулась с айсбергом”. Ошеломляющим для большинства наблюдателей было открытие, продолжала газета, что “мы (т.е. американцы. – В.М.) живем в культуре, где умение считать и ответственность являются забытыми ценностями”¹. Едва ли можно

Мальков Виктор Леонидович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Заслуженный деятель науки РФ.

Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 10-01-00404а.

¹New York Times, 11.IV.2010.

найти что-либо более подходящее для подтверждения этого суждения, нежели чисто-сердечное признание бывшего председателя и топ-менеджера могущественной “Ситигрупп” Ч. Принса на заседании сенатской расследовательской комиссии финансового кризиса 8 апреля 2010 г., сказавшего следующее: “Я выражаю глубочайшее сожаление, что финансовый кризис имел такое разрушительное воздействие на нашу страну. Я испытываю сочувствие к миллионам наших людей, простым американцам, которые потеряли свои дома. И я сожалею, что наша команда менеджеров, начиная с меня, так же как и многие другие, не смогла увидеть беспрецедентный крах рынка, который ждал нас”².

Никто уже ни бедные, ни богатые не задавались вопросом, почему государство после возвращения демократов к власти весной 2009 г. в пожарном порядке вновь бросилось спасать банки от краха, а те в свою очередь безропотно соглашались на любые условия правительства в обмен на протянутую руку помощи и финансовые вливания за счет налогоплательщиков с целью уберечь финансовые учреждения от полного банкротства. Но именно так было в дни банковской паники в марте 1933 г., сразу же после инаугурации Франклина Делано Рузвельта. История, таким образом, не просто повторилась, она напомнила, что невывученный урок чреват самыми печальными последствиями. О “жесткости” 32-го президента США вспоминают как об образцовом выполнении долга национальным лидером в кризисной ситуации, хотя еще недавно его зачисляли в галерею политиков-дилетантов³. С издевкой отзываясь о запоздалых стенаниях интеллектуалов по поводу того, что именно отмена ограничений “нового курса” на финансовую деятельность банковских учреждений, их дерегулирование неолибералом Б. Клинтон в 1999 г. и республиканским конгрессом “помогли воссоздать предпосылки той самой паники, которая возникла и существовала до и после 1930 года”, ведущий печатный орган США как бы напоминает о высокой цене национального беспамятства⁴.

Острейшая общественная полемика, отражающая сословно-классовую войну, как это было и в 30-х годах XX в., вновь перешла в плоскость жесткого противостояния двух парадигм. Одной, базирующейся на философии и этике предприимчивого и успешного “человека-одиночки”, полуфеодалном типе трудовых отношений и на предоставлении полной свободы рук финансовой олигархии, подчинившей себе государственную машину. И другой, – возникшей после банковской паники 30-х годов и прихода к власти администрации Рузвельта, вернувшей стране чувство ответственности, в спешном порядке перетряхнувшей и благодаря этому сохранившей всю кредитную систему страны, оказавшуюся в состоянии хаоса. Именно она, команда ньюдиллеров, принялась за внедрение новой регулируемой модели финансового и индустриального развития, в которой важная роль принадлежала государству, принявшему на себя функции главного регулятора. Новое законодательство ньюдиллеров (и прежде всего закон Гласса–Стигала 1933 г.⁵), как писал недавно авторитетный журнал “Нью-Йорк таймс магазин”, открывало “спокойный” период функционирования банковской системы, делая ее “вполне стабильной и разумно прибыльной”⁶. Отстраненность государства от денежной аристократии, внедрение новых форм и видов правительственной помощи среднему и малому бизнесу, новых этических и организационных норм в систему отношений работник–работодатель создали весьма благоприятные предпосылки и для динамичного развития конкурентной среды в хозяйственной деятельности, и для статусного положения трудящихся классов. Была снята возможность общенационального социального взрыва или, как выразился один из наиболее последовательных ньюдиллеров (Р. Тагвелл), удалось “избежать революции”.

² Ibid., p. 9.

³ Известия, 29.VII.2011.

⁴ *Leonhardt D.* Headling Off the Next Financial Crisis. – *New York Times Magazine*, 28.III.2010, p. 38.

⁵ Современный взгляд на банковское законодательство “нового курса” изложен в книге: *Johnson S., Kwak J.* Bankers. The Wall Street Takeover and the Next Financial Meltdown. New York, 2010, p. 34–37.

⁶ *New York Times Magazine*, 20.III.2010, p. 38.

В совокупности наметилось начало выхода из небывалого по степени разрушительности экономического кризиса 1929–1933 годов. Отодвинуты были кризис власти и полная утрата доверия к ней большинства американцев. Это привело к постепенному преодолению охватившего страну отчаяния, появлению надежды на избавление от “черных четвергов” и обретению доверия к идее социально ответственного демократического государства (welfare state), подорвавшего господство крайнего индивидуализма как общественной философии. Может быть, сегодня это кому-то трудно себе представить, но речь шла, как пишет современный американский автор, о “восстановлении нации”⁷.

Многие старые вопросы следует задать заново. И для наших дней характерна тяга к “опознанию” причин и факторов, способствовавших преобразению Америки в 1933–1939 гг. Экстраполяция их на нынешнюю крайне нестабильную ситуацию с колоссальным национальным долгом, представшим подлинной угрозой безопасности страны, немедленно открыла дебаты даже о возможности для президента действовать авторитарно, “в стиле Рузвельта”⁸. Не все изучено до конца, но очевидно, что тогда особая активность внепарламентской исполнительной власти, скроенной из прогрессистов из числа молодых энтузиастов, задавала динамичный алгоритм развитию страны в 1933–1939 гг., удвоенный и утроенный мобилизационным порывом, связанным со Второй мировой войной. В появлении поверившего в себя “нового индустриального общества”, как это принято говорить, важнейшую роль сыграли жизненные силы нации, способные, это оказалось, выдержать тяжелые удары судьбы и поддержать переход к регулируемой экономике. Но им пришлось бы заплатить значительно более дорогую цену (а может быть и пережить полномасштабную национальную катастрофу) за рывок в модернизационном развитии и к постепенному росту материального достатка, если бы выбор лидера носил преимущественно случайный, неосмысленный, эмоциональный характер и не базировался на достаточно развитой политической культуре нации, продуманной системе отбора на выборные места в представительных органах власти и на признании значения интеллекта и волевых качеств, соразмерных характеру сложнейших задач, стоящих перед страной.

Выборы в ноябре 1932 г. позволили сделать безошибочный выбор. Уверенность в себе, присущая Рузвельту, импонировала каждому. Она же была той чертой, которая в самые ненастные дни мира и войны позволяла Рузвельту сосредоточиваться на преодолении трудностей, опасностей и уныния. Популярнейший в ту пору коломнист М. Салливан, пораженный его “беспредельной жизнестойкостью”, нашел, что она вызвала нечто близкое к душевному обновлению и содействовала освобождению от депрессивного состояния миллионов людей, утративших способность верить в добрые намерения политиков⁹.

Пожалуй, никто так тонко не уловил возникшую тогда связь между растерянными и озлобленными массами людей, готовыми к безумным действиям, и новым лидером страны, как это сделал эмигрировавший в Америку великий писатель и психолог Томас Манн. После очередной встречи с Рузвельтом в Белом доме в январе 1941 г. он назвал его воплощением “хитрости, солнечности, избалованности, кокетства и честной веры”. Но пронизательный классик выделил и совершенно особый талант Рузвельта управлять пришедшими в состояние брожения массами, подчинить себе их эмоции и порывы. “Вот укротитель масс, – писал он в письме А. Мейер, супруге крупного газетного магната, – укротитель современного типа, который желает добра или хотя бы лучшего и держит нашу сторону, как, может быть, ни один другой человек в мире”¹⁰. Для предста-

⁷ *Brinkley A.* With Justices for All. – New York Times Book Review, 28.III.2010, p. 11.

⁸ Известия, 29.VII.2011.

⁹ См. *Lash J.P.* Eleanor and Franklin. The Story of Their Relationship Based on Eleanor Roosevelt's Private Papers. New York, 1971, p. 479. Существует предание, согласно которому Рузвельт, входя в Белый дом после потрясшей всех своей суровостью инаугурации в сумрачный день 4 марта 1933 г., сказал: “Вы знаете, как здесь было при дяде Теде (Т. Рузвельт. – В.М.) – как было весело и уютно! Вот, что мне хотелось бы возвратить”. – *Уткин А.* Теодор Рузвельт. М., 2003, с. 523.

¹⁰ *Манн Т.* Письма. М., 1975, с. 121.

вительницы крайне правого крыла общества эта оценка должна была стать утешением: общего бунта недовольных в Америке не случится.

Весь облик Рузвельта, присущая ему харизма, умение найти в любой ситуации кратчайший путь к взаимопониманию с людьми, морально подавленных кризисом, внутренняя раскованность, доверительность в общении с прессой разряжали обстановку, а вид, как могло показаться, легко, без видимых страданий переносящего неизлечимый недуг президента заставлял уходить от мыслей об экономических тяготах и личных невзгодах. Страна распевала рузвельтовский предвыборный победный шлягер “Счастливые дни снова с нами”. “Даже проходя по улицам, – писал англичанин Броквей, предпринявший путешествие по Америке во второй половине 1933 г., – каждый может убедиться в изменении в атмосфере и настроениях людей. Девять человек из десяти, которых вы встречаете, несут на себе печать новых настроений. Видны ощущения надежды и стремление к жизнедеятельности, чувство приобщения к общим крупным начинаниям. Эмоционально, если не экономически, Америка становится ближе Берлину и Москве, чем к смертельной апатии Лондона. Берлин или Москва – и все же к кому ближе? Или она (Америка. – В.М.) демонстрирует нечто новое, нечто отличное и от одного и от другого?” В этой вырвавшейся наружу энергии освобождения от пут старого порядка и присоединении к смысловой сути “Плана восстановления” Рузвельта историки справедливо видят обретение большими массами людей нового взгляда на функции государственной власти, воспринятого многими как разрыв с необузданным индивидуализмом, исповедуемым страной вплоть до 1929 г.¹¹

Уже с первого момента рузвельтовской психотерапии стремительное распространение по всему миру сенсации о появлении в консервативной Америке К. Кулиджа и Г. Гувера политического лидера с пакетом законодательных инициатив, которые обещали повернуть всё вверх дном в экономике и социальной политике навсось буржуазной Америки, снимало настроения пессимизма у пребывающей в состоянии смятения перед угрозой фашизма Западной Европы. Рузвельт становился популярным персонажем газетных передовиц. Уместно говорить о широком (в прямом и историческом смысле) международном авторитете Рузвельта – автора плана спасения, сочетающего “земные”, всем понятные цели с перспективным мышлением, возвращающим ощущение будущего у “потерянного” поколения людей, живущих в разных странах и на разных континентах. Дж.Ф. Кеннеди как-то очень точно заметил: “Это его участливое отношение к людям у себя в стране создало ему безупречную репутацию и за рубежом”¹².

Еще раз уместно подчеркнуть – роль Рузвельта в национальной реформации США, начало которой было положено мерами пожаротушения в первые 100 дней пребывания у власти демократов (март–июль 1933 г.) невозможно переоценить¹³. Остановись Руз-

¹¹ *Brockway F.* Will Roosevelt Succeed? A Study of Fascist Tendencies in America. London, 1934, p. 36. А.М. Шлезингер-мл., проводя в своем “Дневнике” параллель между “новым курсом” Рузвельта и “новыми рубежами” Кеннеди, находит, что в идейном отношении “эксперимент” Рузвельта имел более возвышенное наполнение нежели реформизм президента, ставшего символом умеренного (“ответственного”) либерализма, рожденного технологической революцией и кругозором зажиточных обитателей пригородных таунхаузов: *Schlezingher A.M., Jr. Journals 1952–2000.* New York, 2007, p. 187–189.

¹² *Lenchtenburg W.E.* In the Shadow of FDR. From Harry Truman to Ronald Reagan. Ithaca–London, 1984, p. 105. В книге Броквея о путешествии по преобразенной Америке в начальной стадии “нового курса” говорилось и о флагмане этого дерзкого эксперимента, “либерале, который имел несчастье оказаться у руля управления в эпоху диктатур”. Рузвельт, как казалось ее автору, не помышлял останавливаться на мерах “неотложной” помощи. Речь, по мысли автора, шла о “полной реорганизации индустрии” и “устранении хаотической конкуренции”. Автор книги, английский политолог и публицист, писал о смелости этого плана, ориентированного на интересы простых американцев. – *Brockway F.* Op. cit., p. 45, 246. Примерно теми же словами рисовал перемены в США У. Черчилль, рассматривавший “новый курс” в качестве альтернативы германскому и советскому промышленным успехам и методам их достижения.

¹³ См. *Lenchtenburg W.E.* Op. cit., p. IX, 104, 106 и др.

вельт всего лишь на латании безобразных дыр (если бы это было возможно), ему было бы обеспечено место в учебниках истории. Но еще задолго до паники на Уолл-стрите в октябре 1929 г. Рузвельта тревожной болью посещала идея устранения базовых причин экономической нестабильности, разорения малоимущих (фермеров, городских средних слоев и т.д.) и растущего социального расслоения. После же 1929 г. ликвидация массовой безработицы и бедности виделась Рузвельту уже как первейшая задача, вытекающая из его понимания национальной безопасности США. Появление государственных учреждений, курирующих и финансирующих национальные проекты, взявших на себя заботу о предоставлении помощи и восстановлении занятости для миллионов безработных, говорит само за себя. Совершенно бескорыстная, подвижническая и бесстрашная деятельность Г. Гопкинса – открытие Рузвельта – на этом поприще была еще одним доказательством приоритетности поставленной цели. Но синяя птица из сновидений впервые обрела вполне реальные черты лишь после того, как военная экономика вернула процветание, а занятость достигла исторического максимума¹⁴.

Многим стало казаться, что на этом всё и закончится. Страна испытывала промышленный бум и нехватку рабочей силы. А тем временем в ряде своих выступлений в годы войны Рузвельт обратил внимание на трудности переходного периода. Он говорил о необходимости усиления профилактических мер правительства в экономике в целях устранения любой возможности для частной промышленности вновь дать себя увлечь погоней за прибылью, что нанесет ущерб стабильности и скоординированным действиям по поддержанию внутреннего спроса и предложения¹⁵. Он предупреждал страну от повторения сценария, восторжествовавшего после Первой мировой войны, в чем оказались заинтересованы силы, которые Рузвельт называл “правой реакцией”. К этому ряду выступлений принадлежало и ежегодное послание Рузвельта конгрессу в январе 1941 г., содержащее знаковое упоминание о четырех гуманитарных свободах: свободе слова, свободе вероисповедания, свободе от нужды и свободе от страха. В сильных выражениях фундаментальная установка на избавление от угрозы массовой безработицы и ее прямых последствий, как самой опасной болезни капитализма, была высказана Рузвельтом в характерной для него манере пропаганды новых ценностей, имеющих общечеловеческое значение во всемирном масштабе. Но в конечном счете речь шла о “свободе” от нищеты для всех, дающей реальную надежду, что человечество избавится от страха деградации и взаимоистребления в войнах.

В радиопроповедях Рузвельта угадывались “подсказки” Элеоноры Рузвельт и Г. Гопкинса, которые были убеждены, что решение острых проблем экономики США и мира увязано с пересмотром моральных устоев экономического порядка и новым пониманием индивидуальных прав человека как логичного продолжения политики “нового курса”, интегрирующей в себе две стороны – внедрение новых принципов управления общественными процессами как основы для восстановления подлинной демократии и равный допуск людей, неимущих и имущих, к ресурсам нации и поддержке правительства. Рузвельт специально не упоминчивал свою супругу и Г. Гопкинса выходить за пределы прогрессивистской риторики, но они оба находились в непосредственном контакте с теми, кого относили к обездоленным и униженным, и выражали понятные им взгляды. Осторожная поддержка Рузвельтом идеи планирования, включающей требова-

¹⁴ По мнению лауреата Нобелевской премии в области экономики П. Кругмана, Великую депрессию американцы преодолели за счет “огромной программы расходов на общественные нужды, более известной под именем Второй мировой войны”. – Аргументы недели, 6.10.2011. «“Хорошая война” подняла жизненный уровень американцев до таких высот, которые только позволяли достичь их воображение и даже еще выше, заставив забыть о бедах Великой депрессии и распахнув для них широкое окно в будущее». – *Kennedy D.M. Freedom From Fear. The American People in Depression and War, 1929–1945. New York, 1999, p. 857.*

¹⁵ Эти идеи Рузвельт выразил в своем обстоятельном обращении к народу по радио 26 мая 1940 г., сказав, что оно непосредственно затрагивает будущее страны: *Рузвельт Ф.Д. Беседы у камина. М., 2003, с. 193–203.*

ние обеспечения гарантии от безработицы, органически вытекала из политики позднего “нового курса”¹⁶.

“Революция сверху” 1933–1939 гг. – чем в действительности и был “новый курс” – явление само по себе не новое в политической истории. Большие перемены, отмечает П. Кругман, названные по праву современниками “рузвельтовской революцией” не только изменили облик Америки путем “великого сжатия” или уменьшения разрыва между бедными и богатыми посредством перераспределения доходов и принудительной социализации капитализма¹⁷. Продолжим эту мысль цитатой из давно признанного классическим в Америке сочинения видного американского исследователя Л. Харца “Либеральная традиция в Америке. Интерпретация американской политической мысли после революции”: «Более важным видится то обстоятельство, что “радикализм” нового курса есть не что иное, как претензия на социалистический путь развития в США, тщательно загримированный американской верой в постулаты Локка»¹⁸.

Возможно подобный вывод покажется преувеличением, но кое-кто из сподвижников Рузвельта и в самом деле полагал, что президент нащупал новые приемы приручения масс и новую модель макроэкономического поведения взамен той, которая издавна обслуживала верхушку общества. Допустимость такого умозаключения, постоянно подпитываемая инвективами Рузвельта против “власти организованных денег”, развенчиванием им магии рынка и концентрацией внимания на проблеме правительственного надзора над экономикой подтверждают современные авторы. “В 1930-е годы, – подводит итог П. Кругман, – новый курс и в самом деле считался радикальным – даже те, кто его непосредственно проводил, сознательно прибегали к языку классовой борьбы”¹⁹. Он забыл добавить, что даже для Америки “штормовые” годы Великой депрессии были, что называется, “за гранью”. О покушении на собственность речи быть не могло, но протестный дух был ярко выражен в лозунге об “уравнивании в богатстве” и огромном интересе к левой интеллектуальной традиции.

Автор “Доктора Фаустуса” и “Будденброков” Т. Манн писал о хитрости как о самой приметной черте характера Рузвельта. Что это – вольность писателя-мыслителя или плод его наблюдательности с присущей ему же саркастичностью? Ответ – в очень часто практикуемой Рузвельтом игре с прессой, с членами своей собственной “команды”, с партнерами по коалиции, когда вставал вопрос о принятии важных, вызывающих разногласия решений. Склонность Рузвельта к мистификациям, продиктованная верой в эффективность фактора внезапности, позволяла неожиданно атаковать и наносить чувствительные удары. Само появление Рузвельта на политической арене в качестве кандидата демократической партии на пост президента (вопреки сильнейшему оппозиционному течению “остановим Рузвельта” и его кандидатам А. Смит и Дж. Гарнеру) летом 1932 г. напоминало выход “из засады”. В дальнейшем Рузвельт неоднократно поражал всех неожиданными и по-своему смелыми решениями, противоречащими предположениям самых мудрых аналитиков и хранителей традиций. Попытка реорганизации Верховного суда и “чистки” внутри демократической партии в 1937, 1938 гг. принадлежат к этому роду “экспромтов” Рузвельта, которые многими воспринимались как эквивалент “тихой” революции или клятвопреступление.

Ленд-лиз (март 1941 г.) также относится к мастерски срежиссированным и хитроумно осуществленным акциям с участием У. Черчилля, напрямую обратившемуся 3 февраля 1941 г. к американцам с просьбой об оружии (“Дайте нам инструменты, и мы сделаем свое дело”) после проработки текста речи совместно с Г. Гопкинсом, специально посланным Рузвельтом в Лондон для того, чтобы добиться максимального влияния “душераздирающего” выступления британского премьер-министра на настроение

¹⁶ *Borgwardt E. A New Deal for the World. America's Vision for Human Rights. Cambridge (Mass.)–London, 2005, p. 51, 52.*

¹⁷ Подробнее см.: *Кругман П. Кредо либерала. М., 2009, с. 43–45.*

¹⁸ *Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М., 1993, с. 65.*

¹⁹ *Кругман П. Указ. соч., с. 65.*

американцев. Уклончивость, неопределенность и, как пишет американский историк У. Кимбалл, “невнятность” в объяснении военных замыслов Гитлера позволили Рузвельту превратить текст закона о ленд-лизе в максимально гибкий документ, позволивший в дальнейшем распространить его и на Советский Союз. Успех предпринятой президентом комбинации был ошеломляющим особенно на фоне враждебной по отношению к Москве кампании, развернутой в прессе США в связи с советско-финским конфликтом 1939 – 1940 гг. и слишком “поспешным” для многих снятием пресловутого “морального эмбарго” на торговлю с СССР²⁰. К этому следует добавить недовольство в предпринимательских кругах заложенной в законе о ленд-лизе идеи ликвидации хаоса и безнадзорности в военном производстве США, в чем усматривали ядовитые побег социализма.

Запрет на утечку нежелательной или будоражающей публику информации налагался не только на военно-стратегические или дипломатические сведения, но и на общие цели и генеральное направление внутренней политики на годы вперед. Конец войны, ее мало предсказуемые последствия, а также дважды и трижды рискованная избирательная кампания в 1944 г. (по Рузвельту “решающем году нашей истории”) сделали его в общении с журналистами и близкими людьми вдвойне осторожным, уклончивым, а порой намеренно сбивающим с толку. Скрывая под маской напускной веселости или загадочности заранее подготовленные сюрпризы своей политической кухни, Рузвельт избавлялся от досаждавшей ему критики или ударов оппозиции. Застигнуть врасплох оппозицию, заставить ее нервничать в ожидании непрогнозируемых действий или инициатив Белого дома, допускать ошибки и атаковать без ясного представления против каких позиций противника ей следует воевать.

Рузвельт ушел от определения своей позиции по острейшему вопросу о десегрегации в рядах армии и на флоте, хотя было предостаточно поводов (в том числе и катастрофического порядка) это сделать²¹. Родилось ощущение погружения Белого дома в состояние безволия касательно внутренних дел. Успех республиканцев на выборах в конгресс 3 ноября 1942 г., как полагают многие исследователи, окончательно превратил “новый курс” в “ходячий труп”²², начисто лишенный стимулов к действию, поскольку в годы войны последователем “сами собой” снимались те проблемы, которые были рождены кризисом и депрессией. Темперамент Рузвельта, натренированный на решении конкретных и неотложных задач, оказался не приспособлен для выработки и осуществления продуманной и долгосрочной программы изменений, дающих надежду на построение в США “нового общества”. Так писал американский историк Дэвид Броуди еще в 1975 г.²³ Правда, он поправлял сам себя чуть ниже, говоря об обманчивости многих маневров Рузвельта, когда требовалось спасти главное достояние политики реформ – консолидацию пестрых и разнородных сил, обеспечивающих продвижение целей, идей, планов под брэндом “чуть-чуть левее центра”.

У Рузвельта не было злого намерения кого-то, попросту говоря, надуть. Но политическая борьба вокруг реформ в годы Великой депрессии и война научила его техническим приемам обводки, нацеленным на “взятие ворот”, избегая прямолинейных действий и лобовых столкновений. В конце 1943 г. осаждаемый критиками его внутренней и внешней политики справа и слева Рузвельт устроил один из самых известных своих розыгрышей. Прощаясь с журналистами после очередной пресс-конференции в Белом доме, он вскользь, с некоторым недовольством в голосе посоветовал прессе не использовать термин “новый курс”, ибо, как он пояснил, страна уже не нуждается в нем. Когда на следующей пресс-конференции репортеры потребовали объяснения, Рузвельт сказал, что “д-р новый курс” вылечил нацию от серьезного внутреннего забо-

²⁰ *Kimball W.F.* The Most Unsordid Act. Lend-Lease, 1939–1941. Baltimore, 1969, p. 179, 188, 189.

²¹ *Kennedy D.M.* Op. cit., p. 773, 774.

²² *Freidel F.* Franklin D. Roosevelt. A Rendezvous with Destiny. Boston, 1990, p. 494.

²³ *Brody D.* The New Deal and World War II. – The New Deal. The National Level. Columbus, 1975, p. 271.

левания специфическими средствами, в условиях же войны требуется специалист другого профиля с тем, чтобы справиться со смертельной опасностью, которую принес фашизм. На смену “д-ру новый курс” пришел “д-р выиграть войну” – директивным тоном заключил президент. Последовал град вопросов. Ответ Рузвельта был ошеломляюще категоричным: нужно обладать правильным ощущением пропорций, видеть главное и второстепенное, возврата к старой программе реформ быть не может, а новой еще нет. “Время еще не пришло, ... время еще не пришло”, – закончил свое выступление президент, немедленно обросшее недоуменными комментариями репортеров. «Инициатор “нового курса” собственноручно убил его; консервативная пресса ликовала», – подвел итог рождественскому маскараду историк Дж. Бёрнс²⁴.

Немедленно затем наступило 11 января 1944 г., день ежегодного послания президента конгрессу, которое Рузвельт произнес в виде радиообращения, поскольку был прикован к постели простудой. Оно по праву считается самым радикальным выступлением Рузвельта вопреки тогдашним и теперешним политическим аналитикам, полагавшим, что в силу резкого улучшения экономического положения США в годы войны прогрессизм вынужден был отступить, заставив его лидеров вернуться к традиционной риторике, вполне устраивавшей их оппонентов. Пришедшие в себя противники коллективизма “нового курса” жаждали торжества “справедливости”, устранения “коммунистических агентов” в коридорах власти Вашингтона²⁵.

Но реванш на беспардонную критику со стороны (если воспользоваться меткими словами самого Рузвельта) “слепых кротов”, обуреваемых “групповым эгоизмом”, взял президент, всего 2 недели назад объявивший “новый курс” исторически изжившим. Он обрушился на “моральных дезертиров”, американцев “другого сорта”, которые “в то время, как большинство безропотно несет бремя войны, постоянно поднимают шум, требуя особых преимуществ для отдельных групп населения”. Президент не пожалел ярких красок из арсенала хорошо знакомых ему публицистов – “разгребателей грязи” начала XX в. для выражения своей нелюбви к аристократии денежного мешка и нуворишам, поднявшимся на военных заказах: “Их представители, подобно мошкаре роятся в холлах конгресса и коктейль-барах Вашингтона. Они стараются удовлетворить свои частные интересы в ущерб интересам всей страны. Они смотрят на войну в первую очередь, как на возможность нажиться за счет своих ближних, добиться политических и социальных привилегий”²⁶.

²⁴ *Burns J.M. Roosevelt: the Soldier of Freedom. New York–London, 1970, p. 424.* Через десятилетие после войны Д. Ачесон, причастный к экономическим преобразованиям “нового курса”, разъяснил (может быть, даже не помышляя об этом) этот прием с умолчанием о “новом курсе”, использованном Рузвельтом на его предновогодней пресс-конференции 1944 г. Он вспомнил о своем разговоре с приятелем-промышленником, его клиентом, который уже после войны рассыпался в похвалах “новому курсу”: «Мой друг был не единственным промышленником-магнатом, для которого многие из мероприятий “нового курса” (при условии, что они не отождествлялись с этим курсом) стали неотъемлемой частью призванного порядка вещей. Во время обследования фондовой биржи, проведенного весной 1955 г. сенатской комиссией по вопросам валюты и банков, возглавляемой У. Фулбрайтом, представители промышленных и финансовых кругов одни за другими выступали с заявлениями, что состояние рынка устойчиво и что он гарантирован от краха, подобного 1929 г. Почему? Благодаря законодательству, говорили они, которое ликвидировало злоупотребления, имевшие место в 1920-х годах, обеспечило определенные меры безопасности и оказало воздействие на покупательную способность. То, о чем они толковали, были законодательные мероприятия “нового курса”, против которых большинство из них вело в свое время упорную борьбу, но которые они ныне восхваляли, не называя их по имени и не вспоминая об их происхождении» (подчеркнуто мною. – *В.М.*). – *Acheson D. A Democrat Looks at His Party. New York, 1955, p. 30.*

²⁵ Весьма характерно, что, как и в годы “нового курса”, о чем свидетельствует очень серьезная английская “Файнэншл таймс”, сегодня бо́льшая половина “красных (республиканских) штатов считает Б. Обаму поклонником либо Ленина, либо даже Гитлера”. – *Financial Times, 9 – 10.X.2010.*

²⁶ *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. V. 1944. New York, 1950, p. 32–42; Рузвельт Ф.Д. Указ. соч., с. 342–352.*

Настало время “переходить через мост”. Этого требовали военная ситуация (в стадию последних приготовлений вступила операция по высадке войск в Нормандию и война на Тихом океане), внутреннее напряжение в связи с охватывающим общество страхом перед наступлением мира, остановкой производств и возвращением массовой безработицы и, наконец, вызов левого радикализма, повсеместно в мире поставившего под вопрос старый порядок и либеральную идеологию. Последнее обстоятельство, по мнению Рузвельта, выносило выбор за пределы межпартийных и внутрипартийных споров. Отсюда линия на преодоление “разлада внутри страны”, желание уйти от старых и, может быть, утративших популярность и историческую определенность терминов. Взамен предлагалась широкая программа преобразований, дающая “безопасность и благосостояние для всех, независимо от социального положения, расы и вероисповедания”.

Но как далеко простирались планы Рузвельта по избавлению (раз и навсегда) американского капитализма от недугов, которые после Первой мировой войны ввергли его в полосу “нормальности”, а затем в Великую депрессию, никому не известно. Ясно было одно – Рузвельт сосредоточил внимание на проблеме нищеты и безработицы²⁷ и на пресечении “негативных явлений в бизнесе и политике”, излишеств в потреблении и экономической безопасности для всех сословий и классов. Идеи планирования получили при поддержке Рузвельта распространение с конца 1940 г. Собирались ли Рузвельт возобновить их “проталкивание” через враждебно настроенный конгресс после окончания войны – остается загадкой “за семью печатями”. На вопрос, как сделать послевоенную экономику США управляемой, общий призыв Рузвельта к экономической безопасности конечно же не отвечал. Но выразительное во всех отношениях заявление о “намерениях”, названное им самим “Экономическим биллем о правах”, говорило о многом.

Главными пунктами этой программы, суммировавшей многие (если не большинство) предложения (включая и далеко идущие идеи левых профсоюзов) “старой гвардии” ньюдиллеров, а также новых прогрессистов, находившихся в тесном общении с радикалами и левоцентристами Старого Света, напояли установкой избирательной платформы рабоче-фермерской партии. И прямо следует сказать – озвучивание их в конгрессе накануне избирательной кампании по выборам президента и на расстоянии двух – четырех месяцев от рискованной операции в Нормандии было актом мужества. Преамбулой служили слова из лексикона протестных движений времен голодных походов и сидячих забастовок второй половины 30-х годов: “Нуждающийся человек не является свободным человеком. Голодные массы и безработные – это материал для диктатур. В наше время – эти экономические истины стали общепризнанными”. Далее следовал перечень основных условий, которые должны были быть положены в основу справедливого социального порядка. Вот они:

- право на общественно полезный и достойным образом оплачиваемый труд;
- право на справедливую оплату труда;
- право фермеров на производство и продажу продуктов своего труда с тем, чтобы обеспечить себя и свою семью всем необходимым;
- право каждого предпринимателя, крупного или мелкого, заниматься бизнесом в обстановке нормальной конкуренции как дома, так и за рубежом;
- право каждой семьи на достойное жилье;
- право на медицинское обеспечение;
- право пожилых людей на защиту от нищеты, болезней, несчастного случая и безработицы;
- право на хорошее образование.

Историк Дж.М. Бёрнс был первым, кто отверг упрощенную трактовку выступления Рузвельта 11 января 1944 г. как всего лишь обобщенного воспроизведения всех его предыдущих заявлений о новом обществе. В многократно повторяющемся тезисе об экономической безопасности он увидел прежде всего призыв избежать возвращения к

²⁷ Б. Обама в своей книге о “возрождении американской мечты” обращает особое внимание на соответствующее место в обращении Рузвельта от 11 января 1944 г.: *Обама Б.* Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. СПб., 2008, с. 175.

“нормальному” положению 20-х годов, а помимо этого признаки интеллектуального осмысления тенденций национального развития в контексте повсеместно происходивших сдвигов в цивилизационном процессе в целом.

В книге Бёрнса мы читаем: “Это был д-р Новый курс, внезапно получивший указание вернуться и вновь заняться делом. Но никогда раньше Рузвельт не высказывался столь откровенно и решительно об экономических правах американцев. И никогда раньше он не связывал столь же явно старый Билль о политических правах, служащий противовесом правительству, с новым биллем об экономических правах, которые могли быть достигнуты при посредстве правительства. В течение многих десятилетий фатальная и ложная дихотомия – свобода *против* безопасности, свобода *против* равенства – вносила смуту в американскую общественную мысль и ослабляла национальные возможности обуздать кризисы и бедность. Теперь Рузвельт решительно заявил, что личная политическая свобода и коллективное благополучие не только не противоречат друг другу, но и взаимно дополняют друг друга. Таким образом, для американцев стало ненужным следование примитивному постулату – чем больше правительства, тем меньше свободы”²⁸.

Специфическим образом этот вывод Бёрнса подтвердил всем своим поведением Р. Рейган. Об этом пишет в одной из своих последних фундаментальных работ английский историк Э. Хобсбоум, заявляя, что пропагандистская бомба президента-консерватора Р. Рейгана на пике “холодной войны” (“империя зла”) была направлена как против коммунистического Советского Союза, так и против памяти Ф. Рузвельта у себя дома, против государства “всеобщего благосостояния”. “Его (Рейгана. – В.М.) врагом, – утверждает Хобсбоум, – был либерализм ... так же, как и коммунизм”²⁹.

Эпохи создают великих политиков. Великие политики дают имя великим эпохам. Но никто лучше самого Ф. Рузвельта не сознавал, что предложенный им “новый курс” не был обречен на успех. От начала до конца, от первой, встреченной с ликованием большинства народа фазы провозглашения целей реформ до заключительной фазы, когда, отвергая усилившуюся критику, он вынужден был говорить о новых жертвах, о проблемах, оказавшихся труднопреодолимыми ввиду внутреннего сопротивления, и даже о необходимости участия поначалу в непопулярной войне, программа преобразований нуждалась в поддержке миллионов американцев, разноликих по партийной принадлежности, но в сознании своей ответственности в час великих испытаний внутреннего и внешнего характера сплотившихся вокруг национального лидера.

Уникальное положение политика-кумира было завоевано Рузвельтом, избравшимся на пост президента четыре раза подряд, несмотря на страхи и ненависть одних, сомнения и удивление других. Рузвельт умер, когда ему было 63 года. Один из видных членов его “мозгового треста” Р. Тагвелл писал в 1971 г., что если бы судьба добавила Рузвельту еще 20 лет жизни, он мог бы выиграть выборы и в пятый раз. Историк А.М. Шлезингер-младший победы Рузвельта объясняет его необычайной стойкостью и бесстрашием в политической борьбе и фактически равнодушием к врагам, или лучше сказать внутренней уверенностью в своем абсолютном превосходстве над ними. Инициатива с “перезагрузкой” советско-американских отношений, признание Советского Союза в 1933 г., через полгода после инаугурации в присутствии потерявших дар речи оппозиции и патологических русофобов не нуждаются в дополнительных пояснениях. Победу над людьми, для которых время остановилось в 1918 г., Рузвельт до конца жизни считал важным достижением своей личной дипломатии. Государственный департамент был отстранен им от участия в переговорах. В дальнейшем в качестве послов в Советском Союзе Рузвельт предпочитал видеть людей, которым доверял лично. Только сейчас становится ясно, каких усилий стоило Рузвельту, остававшемуся порой в одиночестве, сохранение советско-американских отношений в режиме конструктивного диалога.

²⁸ Burns J.M. Op. cit., p. 425, 426.

²⁹ Hobsbawm E. The Age of Extremes. A History of the World, 1914–1991. New York, 1996, p. 249.

Помимо бойцовских качеств Рузвельт был отмечен и еще одной крайне важной чертой. Он был убежден, что история на его стороне благодаря лучшему, чем у его ослепленных успехами Америки самодовольных оппонентов, пониманию особенностей наступившей после Великой (Первой мировой) войны эпохи, отмеченной наступлением времени коренных перемен в мировой политике: в многократно возросшей роли масс в исторических событиях, в экономике, технологии, психологии и морали. От него не укрылся процесс накопления экономических трудностей и все углубляющийся разрыв между бедными и богатыми, а в кричащей роскоши финансовых воротил и разжившихся на военных деньгах нуворишей он увидел признаки недолговечности затишья в сфере социально-расовых отношений. Нарушение привычного соотношения мировых сил и нарастание новой глобальной военной опасности, особенно в Азии, стали привычной для него темой размышлений сразу же после провала демократов на выборах 1920 г.

Можно ли это назвать предвидением? Скорее нет, чем да. Правильнее говорить о предчувствии, вызванном внутренним ощущением того разрыва, который образовался (вопреки радужным прогнозам экономистов) между феноменальной мощью американской экономической империи, возникшей как бы из небытия, и примитивными средствами контроля над ее жизнедеятельностью или лучше сказать – их отсутствием. Рузвельт видел этот изъян отчетливее, чем другие политики. Он был подготовлен возглавить “нацию бизнесменов и инженеров” в момент переходных состояний также лучше, чем его соперники, уверовавшие в волшебные свойства новейших технических достижений. Рано или поздно, полагал он, его черед настанет. Чего бы ему это ни стоило, он не будет уклоняться от него.

Но брест выдвинутым кандидатом в президенты летом 1932 г. означало либо поставить крест на своей карьере, либо уповать на чудо, которое могло бы избавить страну от катастрофических последствий банковской паники, массовой безработицы и парализующего волю всех страха. Но, как уже заметил современный обозреватель, размышляя о шансах Б. Обамы на выборах 2012 г., своей победой Рузвельт обязан был именно синдрому страха, преобразившегося в подъемную силу для губернатора Нью-Йорка³⁰. И каждый, кто сегодня не преследует неблаговидную цель изобразить Рузвельта демократом-хамелеоном, изменившим своему классу или тайным пособником чуждых Америке внешних интересов, увидит его в исторически реальной уникальной обстановке, когда существование капитализма в Америке было поставлено на карту в сочетании с убийственными личными рисками, подстерегавшими смельчака в инвалидной коляске после выборов 1932 г. Время и чрезвычайный характер его проявления объясняют двойственность и непоследовательность многих поступков Рузвельта и одновременно выносят им оправдательный приговор. Очень верно сказал о нем публицист и писатель, автор знаменитой серии “Позор городов” Л. Стеффенс в одном из своих писем: “Рузвельт молча несет на своих плечах бремя времени”³¹.

Давно замечено, что оценки человеческих качеств Рузвельта разнятся и порой очень сильно. Но сегодня на фоне идущих и вызывающих прямые ассоциации процессов в экономике и политике с событиями 30-х годов преобладает та, которую некогда в разное время высказал много лет назад и близко знавший (с 1918 г.) Рузвельта “бывший военный моряк” У. Черчилль. Он называл Рузвельта блистательным человеком, необычайно одаренным политиком, наделенным пытливым изобретательным умом, способным мужественно переносить невзгоды благодаря предрасположению с юношеских лет к актерству. Черчилль писал также и о его трезвой расчетливости в сочетании с даром смелого руководителя³². Мало кто знает, что Черчилль, послав Рузвельту в подарок экземпляр первого тома своей книги “Мальборо: его жизнь и время”, вышедшей в октябре 1933 г., пожелал вновь избранному президенту США всяческой удачи и назвал его “новый курс” “величайшим крестовым походом современности”³³.

³⁰ *Luce E.* It is Time for Obama to Switch from Hope to Fear. – Financial Times, 9 – 10.X.2010.

³¹ Library of Congress, John Davidson Papers. Box 13. Lincoln Steffens to Davidson, September 1, 1935.

³² *Черчилль У.* Вторая мировая война, в 3-х кн., кн. 1, т. I–II. М., 1991, с. 413.

³³ *Meacham J.* Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. New York, 2003, p. 40.

Существует другая популярная точка зрения, когда портрет Рузвельта рисуется в более сдержанных тонах и даже с оттенком порицания. У. Кимбалл, например, переносит внимание на нарочитую “нерасторопность”, медлительность Рузвельта в делах, являвшихся безотлагательными, капризность и скрытность президента при соблюдении им внешней демократичности и доступности: «Его откладывание “на потом” трудных решений, – пишет он, – его уход от конфликтов, его запрятывание поднадоевших проблем под ковер – все это было частью нормального человеческого желания не вступать на мост, пока кто-то раньше не сделает первого шага. Мы все сталкиваемся с несовместимыми желаниями и целями, но мы игнорируем эти противоречия, пока сами не оказываемся перед необходимостью “переходить через мост”»³⁴. Как водится, заключает Кимбалл, каждый, кто изучает Рузвельта, мысленно пересекает этот мост десятки раз в течение дня, как это (но только в конечном счете) делал он сам в реальной жизни. Историк, однако, обязан видеть различие между тем, кто делает историю “в предлагаемых обстоятельствах”, и тем, кто ее всего лишь излагает на бумаге, правда, в стремлении объяснить все на свете.

А.М. Шлезингер-младший, выдающийся исследователь той эпохи в истории США, которая связана была с именем Ф. Рузвельта, всегда относился к своему герою так же, как и Кимбалл восторженно, но вместе с тем и критически. В своем “Дневнике”, опубликованном в 2007 г., он видит Рузвельта сложной, но необычайно привлекательной фигурой, замкнутой на себе в процессе принятия жизненно важных решений, порой упрямым и немилосердным всему сказанному которого не всегда следовало доверять³⁵. Рузвельт, писал Шлезингер, отдавая дань историческим заслугам президента-реформатора, “любил хорошую драку”³⁶.

Идеологически Рузвельт позиционировал себя демократом и христианином, ни левым, ни правым. Но очень похоже, что он, заявляя об этом, в очередной раз отшучивался, оказавшись в окружении назойливых журналистов. Следует сказать, что Рузвельт был продуктом истории, включая тот ее компонент, который связан непосредственно с общим вектором умственного развития. Мимо него не могли пройти интенсивные духовные искания начала XX в., политизация массового сознания, европейские реалии, отмеченные конфликтом верхов и низов, появлением целой плеяды мыслителей, писателей и публицистов, чья деятельность была окрашена разоблачительным пафосом, поиском идеала и моделей справедливого общества. Потому неверно было бы относить Рузвельта к категории многочисленных политиков-прагматиков, не отягощенных раздумьями о смыслах, выходящих за пределы понятийной шкалы американизма. Воспитанник аристократического клана Рузвельтов он сохранял духовную близость к своим знаменитым предшественникам – Джефферсону, Линкольну, Т. Рузвельту, Вильсону³⁷. Но дело не в желании быть похожим на эпические фигуры прошлого. Пожалуй, ближе всего к раскрытию мотивации Рузвельта был английский политолог и историк идей И. Берлин, в годы Второй мировой войны специально откомандированный в Вашингтон для сочинения докладов Черчиллю о состоянии умов в столице США и настроениях президента. Суммируя свои наблюдения, он писал в журнале “Atlantic Monthly” в 1955 г.: “Он (Рузвельт. – В.М.) был неизменно доброжелателен, наделен широким политически кругозором и воображением, человеком, понимающим время, в котором он жил, и вектор развития новых могучих сил, характерных для двадцатого столетия – технологических, расовых, империалистических и антиимпериалистических”³⁸.

³⁴ *Kimball W.F.* Thirty Years After, or the Two Musketeers. – *Diplomatic History*, v. 18, № 2, Spring 1994, p. 166.

³⁵ *Schlesinger A.M., Jr.* Op. cit., p. 136, 137, 336, 360.

³⁶ *Ibid.*, p. 784–786.

³⁷ Об идейных корнях рузвельтовского либерализма убедительно сказано в статье: *Согрин В.В.* Франклин Рузвельт и развитие американского либерализма. – *Новый курс Рузвельта: значение для США и России.* М., 1996, с. 34–43.

³⁸ *The American Idea. The Best of the Atlantic Monthly.* New York, 2007, p. 231. Ряд важных свидетельств на ту же тему содержится в книге воспоминаний сына президента: *Рузвельт Э.* Его глазами. М., 2003, с. 118, 119, 160.

Делиться своими взглядами на глобальные социальные процессы в семейной обстановке не было жизненным правилом Рузвельта, поэтому ничего достоверно существенного из сказанного им в неформальном общении до нас не дошло. Но в ближайшем окружении Рузвельта такие разговоры шли, и он наверняка участвовал в них так или иначе, например, помогая супруге Элеоноре Рузвельт заниматься просветительской деятельностью в различных уголках страны среди рабочих, фермеров и интеллигенции. Известно между тем, что она внушала своим слушателям, что причины депрессии таятся не только в упадке человеческой морали – алчности людей, их погоне за прибылью и т.д., – но и в общественных институтах, в крахе саморегулируемой экономики, ее спекулятивной сути. Страна, говорила она, пережила десятилетнюю оргию спекуляций и быстрых доходов, денежных манипуляций, приносящих моментальное обогащение, не требующего реальной работы, кучке людей. Эгоизм и себялюбие обогатившихся на финансовых спекуляциях богачей несли бедствия и удар по достоянию и достоинству нации³⁹. Эти идеи представляли собой отголосок утопии Э. Беллами, проектов социалистических писателей вроде Э. Синклера или вошедших в круг самых близких собеседников президента драматурга Р. Шервуда и поэта А. Маклиша, социальных романтиков и антифашистов, мечтавших о продвижении Америки в направлении “общества гармонии и справедливости”. Они дали себя знать в речи Рузвельта 11 января 1944 г. и в “Экономическом билле о правах”.

Проблема безработицы или полной занятости в конце 30-х годов сделала очень острыми идейные размежевания в обществе и в окружении Рузвельта. Сам собой вновь возник вопрос о планировании экономики, о примыкании к тем или иным школам, различным “продвинутым” течениям экономической мысли. Однако ни к одной из них Рузвельт не питал доверия, хотя в беспощадной, язвительной критике предпринимательской морали угадывались его предпочтения, пугавшие ее носителей, идейных сторонников и политических адвокатов. Дж.М. Кейнс послал в Белый дом письмо-предупреждение тревожного содержания: разлад правительства с бизнесом приведет к дестабилизации обстановки с крайне негативными последствиями⁴⁰. У. Черчилль в декабре 1937 г. по примеру Кейнса заступился за “богатство и бизнес” Америки, упрекнув Рузвельта в том, что тот слишком жесток с ними, порывая с традицией единомыслия и согласия⁴¹.

Вопреки всему Рузвельт избрал атакующую тактику. Критикуя сегодня Б. Обаму за проявленные им слабость и упущенные возможности, за стремление “избегать любых шагов, которые могут вызвать критику республиканцев”, экономист П. Кругман не учитывает ключевого различия между той уверенностью в себе, которая вселяла в Рузвельта сама атмосфера разбухенной, поверившей в перемены страны и не порвавшее с неоконсерватизмом, расколотое недоверием американское общество, сомневающееся в правильности своего выбора⁴². Движение “Займи Уолл-стрит” по большей части остается чисто молодежным протестом, вызывающим и поддержку, и недоверие.

“Новый курс” как стратегия и мобилизующая идея выхода из кризиса был активно и пассивно поддержан миллионами американцев – от простых тружеников до значительной и влиятельной части политико-экономического истеблишмента, скрепя сердце признавшего, что время классического капитализма, функционировавшего по формуле “Локк плюс Новый Свет”, прошло и что следует смириться с пожарными методами в духе кейнсианства, “ручного управления” со стороны президента и пресечения государством неконтролируемой конкуренции и монополизма. Успокаивала также уверенность, что сам Рузвельт не был прилежным последователем основоположника стимулирования спроса за счет бюджетного дефицита. В целом же, несмотря на все страхи перед радикализмом младореформаторов, у “экономических роялистов” сохранялось твердое убеждение, что он не перерастет в сокрушение основ, в перераспределение собственности или ее отмену⁴³.

³⁹ См. *Lash J.P.* Op. cit., p. 505–519.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 614.

⁴¹ *Churchill W.S.* Step by Step. New York, 1939, p. 166.

⁴² Независимая газета, 26.IX.2011.

⁴³ См. *Зинн Г.* Народная история США. М., 2006, с. 517.

Призыв к преодолению страха и отчаяния перед неизвестностью через солидарность и сотрудничество в мгновение ока перестроившейся властью, уверенной в себе и не пугающейся будущего, вызвал прилив коллективного оптимизма, от которого, по Кейнсу, зависит большая часть (в отличие от ожиданий, основанных исключительно на расчетах и стремлении к выгоде) позитивных устремлений общества, желание во всех его слоях побороть апатию и безнадежность, начать вновь действовать⁴⁴. Этот «психологический множитель» создавал особую энергетику рузвельтовского либерализма, удерживал его в рамках заданного кровотока, помогал преодолевать нараставшее сопротивление, болезненную и опасную аритмию в действиях государственного аппарата, угасание энтузиазма реформаторов и их сторонников, неудачи и поражения.

Никакие временные рамки оказались неспособными четко обозначить финал этой фазы в политической истории США второй половины XX в., хотя в 70-х и 80-х годах принято было говорить об исчерповании коалиции «нового курса». При всех превратностях и нарастающем сопротивлении неоконсерваторов продолжали существовать преимущества в программном обеспечении, опирающемся на интеллектуальный задел и инерцию политического движения прогрессивных демократов. Иллюстрацией могут служить «справедливый курс» Трумэна, «новые рубежи» Кеннеди, «великое общество» Джонсона и «эпоха перемен» Б. Обамы – другими словами той большей части американского мейнстрима, которая получила свой импульс в бурные 30-е годы и отражала, как справедливо когда-то заметил упоминавшийся выше Л. Харц, превращение подавляющего большинства населения Америки в «мелкобуржуазный» гибрид⁴⁵.

Финансовый бум и его негативные последствия последних двух десятилетий XX и XXI вв. нанесли огромный урон этому внешне благополучному «мелкобуржуазному» гибриду, Америке среднего класса, невероятно увеличив разрыв между очень богатыми и остальным населением. Считается даже, что то общество относительного равенства, которое сформировалось в результате преобразований «нового курса», прекратило свое существование. П. Кругман сформулировал тезис, который стал общим местом в современном дискурсе о векторе развития Америки, когда она перестает быть локомотивом мирового экономического развития и примером для подражания. ««Великое сжатие», – утверждает он, – существенное снижение материального неравенства во время «нового курса» и Второй мировой войны очень трудно передать в терминах обычных теорий. Во время Второй мировой войны Франклин Рузвельт использовал правительственный контроль за заработной платой с тем, чтобы сжать разрыв в доходах. Встает вопрос – если общество среднего класса, которое возникло в годы войны, было искусственным образованием, почему же оно просуществовало следующие 30 лет?»⁴⁶ К этому хочется добавить, что и движение за перемены, с которыми Б. Обама и демократы пришли к власти в 2008 г., как он сам признает, имеет прямое отношение к демократической коалиции 30-х годов, заложившей основы «общества всеобщего благосостояния»⁴⁷. Не дать снести остатки «нового курса» – таков девиз того многообещающего начинания, которое родилось под флагом движения за перемены и пытается закрепиться на политической арене США⁴⁸.

⁴⁴ А.М. Шлезингер-младший в «Дневнике» пишет, что ««новый курс» Рузвельта и «новые рубежи» Кеннеди имели много общего в политике, хотя «новый курс» был более радикален, менее податлив на доводы бизнеса, не прогибался перед трудностями и всегда был нацелен на движение вперед. Разница в риторике, возможно, означает более глубокое различие в преданности смыслу своей деятельности – как непохожи евангелисты, которые стремятся что-то сделать, потому что это справедливо и правильно, на технократов, которые тоже хотят что-то сделать, но только потому, что это рационально и необходимо». – *Schlesinger A.M., Jr. Op. cit, p. 187.*

⁴⁵ Харц Л. Указ. соч., с. 23.

⁴⁶ *Krugman P. For Richer. How the Permissive Capitalism of the Boom destroyed American Equality. – New York Times Magazine, 20.X.2002, p. 65.*

⁴⁷ Обама Б. Указ. соч., с. 33.

⁴⁸ Там же, с. 202.

Ф. Рузвельт и внешняя политика – особая тема. Формирование его взглядов произошло в период выхода США на мировую арену в качестве великой державы. О мировой ситуации и роли Соединенных Штатов после отказа сената ратифицировать Версальский договор Рузвельт, посягнувший на выборах 1920 г. в тандеме с кандидатом в президенты США Дж. Коксом на должность вице-президента США, судил применительно к быстро меняющейся в сторону консерватизма обстановке в духе умеренного вильсонизма и осторожной, ненавязчивой критики господствующего тогда изоляционизма: “Две большие проблемы, – говорил он, – предстоит решить будущей администрации: наши отношения с миром и настоятельная нужда организации прогресса внутри страны”. И добавлял: “Невозможно жить в мире и одновременно не быть его частью”⁴⁹. Кто мог возразить? Однако сами демократы сочли за благо приспособиться к господствующим изоляционистским настроениям. У. Кимбалл прав – трудно провести нюансированную систематизацию идеологических взглядов Франклина Рузвельта на мировую политику, как они сформировались в период бурной индустриализации (конец XIX – начало XX в.), обострения межимперских противоречий и складывания военно-политических блоков в первой половине XX в. Они менялись или под влиянием тактических соображений оставались размытыми. “В действительности, – пишет Кимбалл, – Франклин Рузвельт не был ни реалистом, ни коммунистом, ни прогрессистом, ни либералом, ни любым другим, обозначающим политические убеждения удобным словечком, часто употребляемым для того, чтобы уйти от анализа. Он был ФДР”⁵⁰.

В какой степени “бесцветность” убеждений сказалась на “слабостях рузвельтовского руководства в эпоху мирового кризиса 1930–1939 гг.”, как о том писал Р. Шервуд⁵¹, еще предстоит рассказать. Однако этот недостаток был компенсирован ассоциативным мышлением, предпосылкой которого были и воспитание, и прекрасно развитое чувство истории, и уважение к взглядам оппонента (ими мог быть Черчилль или Сталин), и недюжинные прогностические способности. Отчасти этим объясняется то, что Ф. Рузвельту в отличие от его предшественников – У. Маккинли, Т. Рузвельта, Р. Тафта, В. Вильсона, К. Кулиджа, Г. Гувера и большинства его воспреемников, президентов, “поселившихся” в Белом доме после Второй мировой войны, удалось избежать крупных провалов во внешней политике, заявив одновременно себя решительным противником фашизма, колониализма и сторонником коллективной безопасности. Он настойчиво относился к идее “Американского века”, хотя она и принадлежала его кумиру В. Вильсону и американскому газетному магнату, а также его личному недругу Г. Люсу. Пожалуй, Рузвельту много раньше Дж. Кеннана стала ясна бесплодность “застарелой тенденции американцев судить о других в зависимости от того, в какой степени они ухитряются стать похожими на нас”⁵².

Столкнувшись с фактом послеверсальских изменений в составе и структуре мирового сообщества, появления агрессивных тоталитарных режимов и непрерывного роста реваншизма Рузвельт еще до избрания президентом с каждым годом утверждался в мысли, что, отгораживаясь “китайской стеной” от внешнего мира и единолично прибегая к силе в интересах “Первой новой нации”, Вашингтон наносит двойной урон стране. Теряет уважение поверивших в американское миротворчество союзников в войне с кайзером и лишает себя возможности в критических случаях воспользоваться содействием третьих стран, “соседей” и действовать, консультируясь с ними. В Рузвельте говорил противник односторонних действий, унилтарализма в стиле дипломатии “большой дубинки” Теодора Рузвельта. Вторая мировая война только утвердила его в правильности многосторонней дипломатии согласия⁵³.

⁴⁹ *Ward G.C.* A First Class Temperament. The Emergence of Franklin Roosevelt. New York, 1989, p. 521.

⁵⁰ *Kimball W.F.* The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991, p. 169.

⁵¹ См. *Мальков В.Л.* Из личной переписки Р. Шервуда. – Новая и новейшая история, 2008, № 1, с. 161.

⁵² *Kennan G.* American Diplomacy, 1900–1950. Chicago, 1951, p. 135.

⁵³ *Rollins A.B., Jr.* Roosevelt and Howe. New York, 1962, p. 226; *Рузвельт Э.* Указ. соч., с. 160, 247 и др.

Оставаясь вильсонистом, Рузвельт в условиях сильнейшего прессинга изоляционистов эпохи “процветания” искал обходные пути для воплощения в жизнь собственного “плана мира”, призванного искупить вину американского конгресса, отказавшегося ратифицировать устав Лиги наций и лишившего тем самым Соединенные Штаты возможности играть в ней, как выразился сам Рузвельт, роль “большого брата”⁵⁴. Но задача эта не входила в число первоочередных озабоченностей Ф. Рузвельта, одного из фаворитов демократической партии после ее поражения на президентских выборах 1920–1928 гг. Этим объясняется то, что он проявлял весьма двойственное отношение к идее наделения Лиги Наций функциями реального арбитра в международных конфликтах и в годы европейского кризиса накануне Второй мировой войны. К пересмотру своих взглядов на международные отношения в послевоенном мире он вернулся снова уже в ходе обсуждения “Большой тройкой” планов послевоенного мироустройства и практических шагов, обозначенных в Атлантической хартии (1941 г.) и в последующих документах антигитлеровской коалиции⁵⁵. Одним из результатов стало рождение Бреттон-Вудской мирохозяйственной системы и образование в 1945 г. ООН.

В историографической традиции США утвердились две точки зрения на Рузвельта как дипломата и руководителя внешней политики США в 1933–1945 гг. В дискуссиях и спорах историки, правда, едины в том, что заслуги Рузвельта должны быть отмечены в дух абсолютно бесспорных случаев: в связи с началом американской политики “добрососедства” со странами Латинской Америки и вкладом в созидание победы над фашизмом во Второй мировой войне. Дальше начинаются разногласия. Внезапное нападение японцев на Пёрл-Харбор, Гонолулу и Гавайи 7 декабря 1941 г., гибель семи американских линкоров и 2403 моряков, которое стало расплатой за беспечность и промедление с приведением в боеготовность вооруженных сил США, дает критикам богатый материал для всевозможных домыслов, хотя и не колеблет высокой оценки Рузвельта как Верховного Главнокомандующего.

Но за трагической ошибкой Пёрл-Харбора последовал еще один исторически неверный шаг. Поставленная “эффектная” точка в войне на Тихом океане – японские города Хиросима и Нагасаки, разрушенные атомной бомбардировкой, справедливо трактуется сегодня как бессмысленное жертвоприношение во славу имперской мощи нового гегемона. Возмездие наступило. Приказ о бомбардировках отдал Трумэн 6 и 9 августа 1945 г., но сами они были подготовлены Рузвельтом, хотя великий физик Н. Бор тогда предлагал альтернативные решения. Находят и другие промахи, ошибки и непростибельные компромиссы с совестью и моралью. Здесь и необъяснимая реакция на многообещающую Лондонскую экономическую конференцию 1933 г., и политика нейтралитета в 30-х годах, и отношение к захвату Италией Эфиопии, и нежелание заступиться за Испанскую республику, и равнодушие к положению евреев в захваченной фашистами Европе, и задержка с открытием второго фронта, и упорное сохранение англо-американской монополии на информацию о продвижении работ над атомной бомбой и многое другое. Упреки и обвинения Рузвельта в наивности, непрофессионализме, беспечности и самообольщении при демонстрации решимости и даже позерстве, – все это занимает центральное место в “критической” литературе. История предьявляет счет, но и она же дает ключ к ответу, последовательно раскрывая всю противоречивость конкретной ситуации, в которой Рузвельту приходилось осуществлять президентские обязанности.

Вместе с тем многие полагают, что своими дипломатическими промахами Рузвельт больше всего обязан обычно считаться исключительно с собственным взглядом на тот или иной вопрос, не принимая во внимание мнения профессионалов или советников, которые давно доказали свою преданность, порядочность и знание дела. «Вы один из самых трудных людей, которых я знаю, – сказал ему однажды прямолинейный правдолюбец министр внутренних дел Г. Икес. Рузвельт переспросил: “Это потому, что я по-

⁵⁴ *Ward G.C. Op. cit., p. 535.*

⁵⁵ *Робертис А.Д.М. де.* Администрация Рузвельта и коллективная безопасность. Проблема enforcement в 1942–1945 гг. СПб., 2003.

рой бываю слишком неприступен?” “Нет”, ответил обиженный Икес и продолжил: “Поэтому, что Вы не хотите быть откровенным даже с людьми, которые абсолютно лояльны к Вам... Вы держите карты, прижатыми к животу. Вы никогда не выкладываете их на стол”⁵⁶. Такое могли сказать и другие члены “мозгового треста” или кабинета Рузвельта, хотя упрек Икеса нельзя считать вполне справедливым. Возможно, в нем говорила ревность к ближайшему окружению президента. А возможно Рузвельт просто-напросто убедился, что скрытое обдумывание тех или иных решений, “с глазу на глаз” с самим собой служит лучшей гарантией успеха проводимой им личной дипломатии.

Характерно, что другая “школа”, напротив, видит в такой замкнутости на себя положительную черту дипломатии Рузвельта, его разрыв с бюрократической машиной государственного департамента, нежелание полагаться на воспитанных в духе америкосентризма и национальной чванливости чиновников, способность в отличие от них видеть перспективу. В сущности, все отношения с Советским Союзом после признания в 1933 г. строились Рузвельтом “поверх голов” сотрудников дипломатического ведомства при посредничестве доверенных лиц, личных представителей президента. Даже в критические моменты советско-американских контактов в предвоенные годы и годы Второй мировой войны, порой входя в жесткие разногласия с Черчиллем, государственным секретарем К. Хэллом и конгрессом, Рузвельт находил верный тон в общении с советскими руководителями, неизменно оставляя в Кремле впечатление своей личной заинтересованности в продолжении диалога.

Моральный фактор рузвельтовской дипломатии “карантина” для агрессоров при всех справедливых критических отзывах о ней современников, а в последующем противников политики “умиротворения” в исторической профессии имел существенное значение как некий символ сопротивления и поддержки сторонников реального антифашизма. Бесспорно, его отказ открыто противостоять агрессии против Эфиопии, Испании, Китая, Австрии и Чехословакии, его театральные жесты и запоздалое миротворчество вызывали, по меньшей мере, непонимание всех, кто видел в них поощрение агрессивных держав и ничего другого. Но сегодня очевидно, что в сложнейшей обстановке конца 30-х годов и предвоенного общеевропейского кризиса Рузвельт все свое внимание сконцентрировал на преодолении раскола американского общества, который грозил ему накануне избирательной кампании 1940 г. утратой всех достигнутых больших и малых побед в социальной сфере, а в конечном счете в случае провала на выборах, вполне возможным поражением всех, кто выступал против нейтралитета Америки, за укрепление обороноспособности страны и поддержку тех сил в Европе, которые реально готовы были вступить в войну со странами “оси”.

В этой точке кризиса с его непредсказуемым исходом Рузвельт избирает самый извилистый и часто обставленный различными уловками путь к цели, которую он ставил перед собой. “Вы начинаете игру, – вразумлял он сына, рассуждая о войне как о данности, которую нельзя избежать и которая, ради того, чтобы ее выиграть, требует в обязательном порядке прибегать к хитростям и уловкам, – ту же самую игру, что велась всегда, и вы ведете эту игру, чтобы одержать победу”⁵⁷. Известна знаменитая “издевка” Рузвельта по поводу его собственного стиля поведения, высказанная в разговоре с министром финансов Г. Моргентау в 1942 г. и ставшая эпиграфом для многих исторических сочинений. “Вы знаете, я фокусник, и я никогда не позволяю моей правой руке знать, что делает моя левая рука”. Далее следовало пояснение: “Я могу быть полностью непоследовательным, и, кроме того, я не остановлюсь перед отступлением от истины, если это поможет мне выиграть войну”⁵⁸.

После Мюнхена антифашисты по обе стороны океана наградили Рузвельта обидным прозвищем “американского Чемберлена”, хотя, как об этом косвенно говорят источники, уже где-то в середине 1940 г. Рузвельт пришел к выводу, что США неминуемо

⁵⁶ Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932–1945. New York, 1979, p. vii.

⁵⁷ Roosevelt J. My Parents: A Differing View. Chicago, 1976, p. 160 – 162.

⁵⁸ Kimball W.F. The Juggler, p. 7.

вынуждены будут вступить в войну с державами “оси”. Перелом наступил после того, как во второй половине декабря 1940 г. стало известно от надежного информатора в Берлине, что Гитлер и его генералы приняли план “Барбаросса” – план молниеносного уничтожения Советского Союза и лишения Англии всяких надежд на отвлечение основных сил вермахта от большой десантной операции на Британских островах (операция “Морской лев”).

В годы войны самой закрытой стороной Рузвельтовской дипломатии был тот ее сегмент, который пользовался особым вниманием президента – отношения с коммунистическим союзником, Советским Союзом. В рамках возникшего прямого или скрытого диалога Вашингтона и Москвы по ряду вопросов способность к мимикрии президента проявилась в полную силу. Вот эти вопросы: второй фронт, атомное оружие, польский вопрос, ленд-лиз, Прибалтика, Дальний Восток. Впрочем, многое навсегда останется тайной. При этом Рузвельта больше всего тревожило сохранение работоспособности “Большой тройки” – Рузвельт, Сталин, Черчилль – и духа сотрудничества после войны. И часто, руководствуясь именно этой целью, невидимым путем он “разруливал” возникающие тяжелые конфликты, готовые взорвать коалицию. Многие исследователи продолжают спорить по поводу того, что помогло президенту сохранять от развала “странный” союз во имя будущей совместной работы над созданием новой структуры мира. А между тем резкий поворот Черчилля после Ялты не сулил ничего хорошего, а внутренняя оппозиция – пестрая и многослойная – решительно поднимала голову, атакуя “по площадям”, наиболее уязвимым для критики: “умиротворение” СССР, союзничество со Сталиным, Пёрл-Харбор, Польша, Восточная Европа, Китай и т.д. Сомневаться не приходилось – оппозиционерами руководила жажда потопить “новый курс”, представив его непатриотическим вольнодумством.

Впрочем, точно угадать, каким мог бы стать переход к миру после окончания войны против фашизма (“хорошей войны”, как называли ее американцы), если бы Рузвельт продолжал после весны 1945 г. оставаться в должности президента, все равно было невозможно. Причин тому множество и помимо конфликтной ситуации – Черчилль–Сталин. И одна из них, утверждает авторитетнейший биограф Рузвельта А.М. Шлезингер-младший, сам 32-й президент США, некоторые планы которого оставались до самого его ухода из жизни туманными, не высказанными или не до конца понятыми. “Мистическая фигура ФДР, – пишет он, – становилась еще более мистической благодаря его собственному пожеланию казаться непостоянным и склонным к экспромту. А, может быть, и в самом деле он был в одно и то же время ясновидящим, удачливым, непостоянным, склонным к экспромту и принимающим решения без предварительного обдумывания? Что очевидно, так это то, что он был агрессивным, дотошным и неутомимым в смысле постановки задач перед своей администрацией и в то же время осторожным в смысле признания, особенно в сфере внешней политики, зависимости от процесса согласия внутри страны. И как следствие, он был непоследовательным. Непоследовательность легко брала верх, она всегда оставалась методом устранения неприятностей и в его личной жизни – Сара против Элеоноры, Элеонора против Люси (возлюбленная Рузвельта в начале его карьеры. – В.М.), Элеонора против Л. Хоу (ближайший советник президента до 1936 г. – В.М.) и т.д. и т.п. Рузвельт – это ярчайшая фигура. Возможно, он вовсе и не великий человек, но без сомнения великий президент”⁵⁹.

Удивительная судьба ждала память о 32-м президенте США. Она стала неотъемлемой частью политической культуры США и далеко за их пределами. Отто фон Бисмарк как-то изрек: “Человек не может изменить ход событий. Он может лишь плыть по течению и править своей лодкой”. Железный канцлер был только отчасти прав. Сама память о Рузвельте порой даже в идеализированном виде выполняла и выполняет сегодня роль психологического мультипликатора, который накладывает свой отпечаток на ход событий, содействуя (и в немалой степени) определению средств и методов управления государственным кораблем в штормовую погоду.

⁵⁹ *Schlesinger A.M., Jr. Op. cit., p. 467.*